

ХЛОПОТЫ НАРКОМВОЕНМОРА Л.Д. ТРОЦКОГО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ БЫВШИХ ГЕНЕРАЛОВ М.М. ЗАГЮ И С.М. ЯЗЫКОВА. 1919 г.

***Ganin A. V. L.D. Trotsky efforts for ex-generals
M.M. Zagyu and S.M. Yazykov release (1919)***

Аннотация / Annotation

В статье на основе документов РГВА, ГАРФ и архива Гуверовского института, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, проанализировано дело двух бывших генералов М.М. Загю и С.М. Языкова, арестованных в 1919 г. по распоряжению народного комиссара почт и телеграфов В.Н. Подбельского. Рассмотрен ход следствия и его итоги. Сделаны выводы относительно беспрецедентного случая освобождения подследственных и их назначения на ответственные посты в РККА, в результате чего один из фигурантов дела бежал к белым.

In article on the basis of RGVA, GARF documents and archive of Hoover Institution, in the majority for the first time entered into a scientific turn, cases of two ex-generals M. Zagyu and S. Yazykov, arrested in 1919 according to the order of the national commissioner of mails and telegraphs V. Podbelsky is analysed. The course of investigation and its results is considered. Conclusions of rather unprecedented case of release of persons under investigation and their appointment to responsible posts in RKKA therefore one of persons involved in the investigation ran to the Whites are drawn.

Ключевые слова / Keywords

Исторический источник, архив, Гражданская война в России, Красная армия, военные специалисты, репрессии, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, В.Н. Подбельский, М.М. Загю, С.М. Языков, военные сообщения. Historical source, archive, Civil war in Russia, Red Army, military experts, repression, V. Lenin, L. Trotsky, V. Podbelsky, M. Zagyu and S. Yazykov, military communications.

В 1920 г. Загю продолжал служить помощником начальника Всероссийского главного штаба, работал в комиссии по переработке уставов. Сохранилось его обращение к «заведую-

Окончание. Начало см. Вестник архивиста. 2012. № 4.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350a2 – «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

В.Н. Подбельский.
1918 г. Кадр кинохроники.
Публикуется впервые

М.М. Загю и Н.И. Ратэль возле Царь-пушки
в Кремле. 1918 г. Кадр кинохроники.
Публикуется впервые

щему всеми концентрационными лагерями» от 20 июня 1920 г. с просьбой освободить племянницу Н.И. Авенариус с ее подругой М.В. Ралль из Новоспасского лагеря, разрешив им жить у Загю дома и лишь являться в лагерь днем. Из письма следовало, что мужа племянницы и ее подруги были расстреляны по делу о белогвардейском заговоре в Петрограде в октябре 1919 г.¹ Таким образом, в обстановке Гражданской войны вполне лояльные большевикам военспецы порой были тесно связаны родством с реальными или предполагаемыми заговорщиками.

С 22 августа 1920 г. Загю преподавал в Академии Генерального штаба РККА как штатный руководитель практических занятий и главный руководитель групповых лекций. Интересно, что в 1922 г. он удостоился резко отрицательной характеристики: «Нахлебник академический. Слаб»². Однако в 1924 г. характеристика 49-летнего штатного руководителя академии и руководителя групповых практических и семинарских занятий по военной администрации на младшем и старшем курсах академии Загю была уже положительной: «Во время занятий обнаружил солидные знания по устройству тыла армии и умение передавать свои знания слушателям. Содержательно ведет занятия, несмотря на посредственную занимательность самого предмета. Аккуратен. Требуется точности и четкости в выполнении работ. Снисходителен и мягок. Отношение

к работе добросовестное; к слушателям – ровное. Единственный минус – глуховат»³. Непрерывная работа с момента Октябрьской революции, ровно как его поведение, заставляет думать, что он политически совершенно лоялен»⁴. Помимо преподавания Загю продолжал заниматься военно-научной работой, состоял в авторском коллективе по составлению и изданию очерка «Красная армия и красный флот в Революционной войне Советской России 1918–20 гг.» при академии⁵.

После Гражданской войны Загю преподавал в Военной академии РККА (позднее – Военной академии им. М.В. Фрунзе). В самый разгар дела «Весна» 1 мая 1931 г. он, наряду со многими «бывшими»⁶, был по состоянию здоровья уволен со службы. В автобиографии 1939 г. он указал, что произошло это по распоряжению врага народа Р.П. Эйдемана⁷, кроме того, Загю там же отметил, что «при Советской власти осужден не был»⁸.

Уже осенью 1931 г. Загю вернулся на военную службу и был определен в резерв РККА. С января по июль 1932 г. работал штатным преподавателем Московского инженерно-экономического института им. С. Орджоникидзе, а по сформировании в 1932 г. Военно-химической академии РККА перешел в нее (с 29 июля 1932 г.). В 1938 г. получил звание комбрига.

Загю – преподаватель запомнился слушателям академии. Видный партийный деятель Н.С. Патоличев впоследствии вспоминал: «Загю считался большим знатоком войскового и армейского тыла. Мы изучали “тыл” по лекциям и солидному учебнику Загю. Некоторые слушатели приходили к Загю сдавать зачеты, держа в руках его объемистую книгу. Но Загю был строг и требователен, и его учебник в руках слушателя не спасал последнего от самого строгого спроса. Преподавал Загю с большим увлечением. Знал и любил свое дело. Увлекал своим умением интересно и просто рассказывать о сложном, приводил массу живых примеров»⁹. В академии вместе с Загю преподавали и другие генштабисты старой школы – Л.Л. Клюев и А.Н. де Лазари.

Загю сравнительно благополучно пережил и 1930-е и 1940-е гг., хотя из наград имел лишь юбилейную медаль «XX лет РККА» и значок «Отличник РККА». В 1940 г. он получил ученую степень доктора военных наук, а в 1945-м – ученое звание профессора,

с 4 июня 1940 г. имел звание генерал-лейтенанта. Перу генерала принадлежали 18 научных и научно-педагогических трудов общим объемом свыше 200 печатных листов, причем книга «Химический тыл», увидевшая свет в 1939 г., заложила основы новой военной дисциплины. Эта работа Ученым советом академии была выдвинута на Сталинскую премию.

В годы Великой Отечественной войны Загю занимал пост начальника кафедры тыла Военной академии химической защиты Красной армии им. К.Е. Ворошилова. В ноябре 1943 г. Ученый совет академии представил его в члены Академии наук СССР. Но академиком Загю так и не стал.

В 1944 г. в связи с 50-летием военной службы и 25-летием научно-педагогической деятельности Загю наградили орденом Ленина (представлен еще в 1942 г.). При награждении учитывалась и дореволюционная служба генерала. Прецедент был создан награждением за 50 лет службы другого генерала Русской императорской и Красной армий А.А. Самойло. Свой советский служебный стаж Загю вел с 23 февраля 1918 г. – дня рождения Красной армии. В представлении к ордену Ленина отмечалось, что к 1942 г. он 25 лет прослужил в Русской императорской армии и столько же – в Красной¹⁰. Помимо ордена Ленина в том же году Загю был удостоен орденов Красной звезды и Красного знамени. Вторично орденом Ленина он был награжден в 1945 г.

В послевоенный период Загю занимал пост помощника начальника штаба тыла Вооруженных сил СССР и в 1947 г. был уволен в отставку с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах. Умер Михаил Михайлович в Москве 7 июня 1951 г. в преклонном возрасте от кровоизлияния в мозг. Проходивший с ним по делу Языков разделил судьбу белых армий Юга России и оказался в эмиграции, дата его смерти до сих пор неизвестна. Сын Загю Александр (1906–2000) стал известным конструктором советских ледоколов, инженер-генералом Севморпути III ранга¹¹.

Дело Языкова и Загю свидетельствует о понимании Л.Д. Троцким значимости создания для военспецов нормальных условий службы в Красной армии, демонстрирует заботу вождя РККА об этих бывших офицерах. Кроме того, это дело является удиви-

тельным примером расследования преступления, несмотря на которое, подследственные оставались на свободе и даже занимали ответственные посты в Красной армии. Подобный факт демонстрирует, с одной стороны, невероятное стремление большевиков использовать для пользы дела все возможные ресурсы, а с другой – катастрофическую нехватку кадров высшей квалификации в советских вооруженных силах. Результатом такого подхода стало бегство одного из подследственных к противнику. При этом второй фигурант дела, М.М. Загю, в дальнейшем проявил себя в качестве вполне добросовестного и лояльного большевикам специалиста.

№ 1

Протокол¹²

1919 года июня 18 дня в г. Москве следственная комиссия Революционного Трибунала при В.Ц.И.К. допрашивала нижеподписанного в качестве обвиняемого, и он показал:

Бывший начальник Центрального управления военных сообщений Михаил Михайлович Загю, 43 лет, под судом не был (г. Серпухов, Полевой штаб).

По военным сообщениям я служу с 1903 года, пройдя последовательно соответствующие должности в штабе округа, на линии железных дорог и в быв[шем] Главном управлении Генерального штаба, а в течение войны 1914–1918 г.г. – в Ставке Верховного главнокомандующего занимал разные должности от начальника отдела почтово-телеграфного и этапно-транспортного Главного управления военного сообщения. Откомандовав около года полком, я вновь вернулся к службе по военным сообщениям, заняв последовательно должности помощника начальника военных сообщений фронта, помощника начальника военных сообщений на театре военных действий, помощника начальника военных сообщений при Высшем Военном Совете, начальника военных сообщений при В.В.С.¹³ (приказ нач[альника] воен[ных] сообщ[ений])

при В.В.С. № 38 от 21 июня 1918 г.) и начальника Центрального управления военных сообщений с 30 июля 1918 г. (пр[иказ] № 47) по 2 декабря 1918 г.

Таким образом, вся предыдущая моя служба дала мне соответствующую подготовку для руководства военными сообщениями не только в условиях мирного, но и военного времени. И в особенности в отрасли ведения почтово-телеграфным делом, с каковым мне больше всего пришлось соприкасаться.

Для оценки моей деятельности со времени Октябрьской революции необходимо принять во внимание ту обстановку, в которой пришлось работать [как] мне лично, так и управлению военных сообщений. Вслед за Октябрьским переворотом начался роспуск армии, который происходил настолько стихийно, что ограничить расформирование всех подведомственных военным сообщениям¹⁴ учреждений какими-либо нормами, а равно сохранить весьма разнообразное и многочисленное имущество, в том числе и почтово-телеграфное, не представлялось никакой возможности. Равным образом был нарушен и учет всех этих учреждений и служащих (коих было свыше 300.000), значительная часть которых вместе с учреждениями оставалась в руках противника, не имея возможности по разным причинам (недостаток перевозочных средств, злая воля) своевременно эвакуироваться. В числе этого имущества были оставлены и многочисленные полевые почтово-телеграфные склады, из коих удалось уловить значительно позже около 60 вагонов, блуждавших вместе с прочими грузами военного ведомства по сети железных дорог (впоследствии они были сосредоточены в Муроме).

К 20 февраля [1918 г.] армия считалась расформированной, и все нити управления ею из центра были прерваны. Кадр высших чинов был вызван в Петроград в Совет народных комиссаров, где в начале марта образовался Высший военный совет, при коем организован штаб. Было приступлено к формированию Красной армии на добровольческих началах. Формировались отдельные отряды различной численности, которые не поддавались ни учету, ни руководству из центра, и такое состояние армии продолжалось до сентября месяца (до созыва, кажется, 5-го съезда Советов), когда от добровольческой армии правительство перешло к форми-

рованию постоянной армии. Тем временем управление военных сообщений, оставшееся в Могилеве (начальник военных сообщений выехал в Петроград в Совет народных комиссаров в числе указанных выше служащих), 22 февраля выехало из Могилева и до 22 июля, когда оно приехало в Москву, оно последовательно находилось в Орле, Липецке и Муроме, т.е. за 5 месяцев переменило 5 пунктов. Самые условия переезда, при крайне ограниченных средствах передвижения, при чрезвычайной напряженности и недоброжелательном отношении местных властей, были до чрезвычайности затруднены. Постоянные сборы к отъезду и развертывания управления при переезде, отнимавшие каждый раз не менее 10 дней, не давали наладить сколько-нибудь плодотворную работу.

Если к этому прибавить еще стремление на местах захватить имеющиеся при управлении технические средства связи – автомобили, мотоциклы, телефоны, телеграфные аппараты, провода и прочее, – сопровождавшееся всегда угрозой произвести насилие и, принимая во внимание, что абсолютно никакой охраны при управлении не было и отстаивать независимость управления приходилось только уговорами комиссара и моими, то станет ясным то нервное напряжение служащих и та кошмарная обстановка, в которых приходилось работать в течение этих 5 месяцев.

Прибыв в Москву 22 июля [1918 г.], где предстояло слияние 2-х управлений военных сообщений (управление в[оенных] с[ообщений] при Высшем военном совете и У.В.С.¹⁵ при Всероссийском главном штабе), управление должно было поместиться в том же помещении (Синодальное училище на Б[ольшой] Никитской), где помещалось и упр[авление] военных сообщений В.Г.Ш.¹⁶ Помещение оказалось чрезвычайно тесным и неудобным, но думать о другом помещении не представлялось возможным ввиду полного отсутствия в то время свободных помещений в Москве. Несмотря на то, что сюда заранее были командированы квартиреры, по крайней мере, две трети служащих, что составляло до 280 служащих, не считая семей, оказались без квартир и принуждены были оставаться в вагонах тех 3-х поездов, в которых мы приехали. Окончательное размещение служащих по квартирам было не ранее половины сентября. Условия жизни, в которых ока-

зались служащие в Москве, были чрезвычайно затруднительны: отсутствие квартир, отдаленность вокзала, где они проживали в вагонах, отсутствие продовольствия, затруднительность сообщения, все это заставляло отвлекаться служащих от прямого своего дела и большую часть времени посвящать заботам о своей личной жизни. Слияние 2-х управлений происходило крайне туго, т.к. утверждение штата задерживалось в законодательных учреждениях, а с этим был связан отпуск надлежащих кредитов, почему служащие естественно тяготели к своим старым управлениям, да и кроме того, самый процесс слияния с полным перераспределением работ между служащими и полной перетасовкой всех дел, естественно требовал некоторого и даже значительного времени. Естественно, что за этот период времени трудно было ожидать от управления какой-либо плодотворной организационной деятельности, и оно едва справлялось с текущей перепиской, которая в связи с ростом Красной армии и развитием военных действий непомерно возрастала.

Таким образом, я считаю, что управление могло начать организационную работу лишь во 2-ой половине сентября. А работы предстояло много. Все органы военных сообщений были совершенно разрушены, знающих и технически подготовленных на разные должности людей ни в центре, ни на местах почти не было. Не было даже сведений, где находились те отдельные лица, которых было бы желательно привлечь к работе. Говорить об учете всех бывших служащих, конечно, не приходилось. Программа предстоящей деятельности управления была изложена в моем докладе от 10 июля 1918 г. за № 19113, одобренном Высшим военным советом (приложение 3). В то время, т.е. в половине сентября, военные действия велись отрядами Красной армии, не сведенными в какие-либо крупные военные соединения. При этом эти отряды занимали целыми эшелонами поезда, с которыми не охотно расставались, а потому и военные действия носили характер не полевой войны, а войны на рельсах, а потому вопрос о немедленной организации тыла и военных дорог естественно отпадал, и главнейшее внимание управления военных сообщений естественно было направлено на организацию железнодорожной службы военных сообщений и разработка вопросов об организации тыла

велась лишь постольку, поскольку можно было ожидать предстоящего упорядочения организации армии вообще и ведение его военных действий в частности.

В то время главное внимание Высшего военного совета было обращено на Западную границу. На юге республики, равно как и [на] севере, существовали лишь отдельные отряды, обстановка на востоке была не ясна и, во всяком случае, операции на востоке велись не штабом Высшего военного совета, а Оперодом¹⁷. Восточный фронт был признан Высшим военным советом лишь в начале августа, а разделение территории на 4 фронта последовало лишь 11 сентября, к каковому времени и надо отнести приступ к созданию регулярной Красной армии.

Таким образом, можно только было приступить к организации тылов во 2-ой половине сентября, и то только бумажно, т.к. естественно, что одного только приказа о формировании регулярной армии совершенно не достаточно для осуществления сего, и едва ли я ошибусь, если скажу, что более или менее серьезная и планомерная организация, как самой армии, так и порядка ведения военных действий, могла осуществиться лишь к началу 1919 года, т.е. когда я уже в течение месяца был не у дел.

В виду этого считаю совершенно голословным обвинение, что ко дню сдачи мною должности 2-го декабря, тыл не был надлежащим образом оборудован, т.к., не считая даже затруднений и недостатка технически подготовленного личного состава, таковой не мог быть оборудован раньше сформирования самих фронтов (штаты штаба армии и штаба фронта были объявлены 26 декабря пр[ошлого] г[ода] № 477 Револ[юционного] воен[ного] сов[ета] р[еспублики]).

Тем не менее, ко дню сдачи мною должности, исключительно по почтово-телеграфной части (не считая всех прочих работ) управлением было сделано следующее. Разработаны все штаты и положения всех учреждений по военным сообщениям (Центрального управления военных сообщений, управлений военных сообщений фронтов и других органов), выработано положение о направлении почт и телеграмм в Красную армию и выработано положение о полевых почте, телеграфе и телефоне, разработаны штаты для полевых почтовой конторы, телеграфной конто-

ры, телефонной станции, рабочей колонны, выработаны условия оплаты труда потель¹⁸ работникам, разработана схема для подвески необходимых для военного ведомства проводов, выработано положение и штаты дислокаторских пунктов, предназначенных для направления корреспонденции, установлен порядок взаимоотношений между военным ведомством и потель ведомством на театре военных действий, т.е. было выработано все необходимое для правильной работы тыла в почтово-телеграфном отношении. Кроме того, управлением были выработаны и другие положения, необходимые для устройства тыла вообще, как о том было изложено в моем рапорте от 3-го декабря начальнику Полевого штаба (приложение 4-ое¹⁹). Все перечисленное мною будет подтверждено дальнейшим изложением документально. Но при этом считаю долгом оговориться, что некоторые из этих положений вышли уже после сдачи мною должности и даже с некоторым опозданием по причинам мне неизвестным. Но следы того, что они были изготовлены за время состояния моего во главе управления, можно будет усмотреть из дел и опроса соответствующих лиц. Во всяком случае, такое запоздание выхода некоторых положений является естественным в силу необходимости согласовать все эти положения заинтересованными учреждениями, каковое согласование всегда отнимает много времени, а при настоящих условиях работы, ввиду недостаточной технической подготовки лиц, принимающих в ней участие, является особенно затруднительным.

Кроме того, работа по выработке главнейших положений (которые по имеющимся сведениям в настоящее время и утверждены), была мною возложена на отдельных лиц, т.к. комиссионный порядок работы с участием, главным образом, лиц почтель²⁰ ведомства с самого начала работы обнаружил такую медленность, что выработка положений, несомненно, затянулась бы на весьма продолжительное время (кажется, работа не закончена и до сего времени).

Дабы всю работу управления ввести в известную систему, мною в начале августа отдано было приказание о представлении мне по всем отделам и отделениям плана предстоящих работ, подлежащих исполнению согласно данных мною указаний, а равно

краткий отчет по вопросам, исполненным в отделениях двух управлений ко дню их слияния. Таковой доклад по II отделу был мне представлен С.М. Языковым 30 августа (приложение 5-ое).

В отношении вообще установления порядка работы в управлении и распределении работ между служащими, порядка ведения переписки и направления ее мною был издан ряд приказов по управлению. Кроме того, принимая во внимание, что органы военных сообщений разбросаны по всей республике ввиду несвоевременного и неаккуратного получения газет на местах, в которых печатались все вообще распоряжения правительства с июня мес. [19]18 г. было приступлено к изданию приказов начальника военных сообщений при Выс[шем] воен[ном] совете, в которых сосредотачивались все интересующие органы военных сообщений правительственные распоряжения и циркулярные предписания, каковые и рассылались на места сначала по почте, а потом, когда выяснилось, что таковой способ не гарантирует точности и аккуратности доставки, с особым нарочным. Весь порядок издания и рассылки этих приказов может сообщить быв[ший] нач[альник] 1-го отдела Ц.У.В.С.²¹ Сергей Николаевич Савченко или нач[альник] 1-го отделения Н. Казаков.

В дальнейшем постараюсь перечислить по имеющимся под рукою материалам все те распоряжения по почтово-телеграфной части, которые были сделаны управлением военных сообщений за время состояния моего во главе его. Более же детальную справку по сему обязуюсь разработать по документам Центрального управления военных сообщений.

21 июня [19]18 г. в приказе Н.В.С.²² при В.В.С. № 38 (приложение 1) было объявлено временное расписание должностей управлений воен[ных] сообщений Московского и Воронежского порайонных комитетов, утвержденное Наркомвоен 10 июля и тогда же переданное по телеграфу на места. В составе сего управления были почтово-телеграфная часть со складом материалов и телеграфно-телефонное отделение с рабочей колонной.

В приказе от 29 июля [19]18 г. был объявлен штат телеграфной конторы (приложение VI).

Остальные приказы и распоряжения будут указаны мною при следующем допросе.

Показания мне прочитаны. Вписано «центрального», «весьма разнообразные и многоценные», «полевые», «предстоящей», «и планомерная», «2 декабря», «и рассылок», «и затруднительность сообщения».

Зачеркнуто: «Восточный фронт», «для правильной работы», «плохого».

Подпись М. Загю.

ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 114. Л. 33-35 об. Машинописная копия.

Примечания

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 168.

² Там же. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 13.

³ По наблюдению бывшего генерала А.А. Самойло, глухота по странному совпадению сопровождала деятельность многих известных специалистов Военной академии в области военной администрации. Не стали исключением Загю и впоследствии сам Самойло (См. *Самойло А.А. Две жизни*. М., 1958. С. 262–263). Впрочем, по документам Загю слух у него стал снижаться еще в молодости, с 1902 г., с 1925 г. военспец пользовался слуховым аппаратом, а впоследствии перестал слышать почти полностью (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 73).

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 12.

⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 89. Л. 28об.

⁶ См., напр.: *Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918–1953*. М., 2004. С. 165.

⁷ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ *Патолитчев Н.С. Испытание на зрелость*. М., 1977. С. 58–59.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 686043. Д. 13. Л. 319–322; Д. 49. Л. 38–44. Наградные документы Загю размещены в Общедоступном электронном банке документов «Подвиг народа»: <http://podvignaroda.mil.ru/>

¹¹ Подробнее о А.М. Загю см.: *Козлова Е.А. Мир скульптора Николая Селиванова*. М., 2004. С. 141–142.

¹² Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

¹³ В.В.С. – здесь и далее, Высший военный совет.

¹⁴ В документе ошибочно – «военному сообщений».

¹⁵ У.В.С. – Управление военных сообщений.

¹⁶ В.Г.Ш. – Всероссийский главный штаб.

¹⁷ Оперод – Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам.

¹⁸ Потель – здесь и далее – почтово-телеграфный, почтово-телеграфное.

¹⁹ Приложения к показаниям не публикуются.

²⁰ Почтель – почтово-телеграфное.

²¹ Ц.У.В.С. – Центральное управление военных сообщений.

²² Н.В.С. – видимо, начальник военных сообщений.